

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 35 (2298)

Суббота, 24 августа 1946 г.

Цена 45 коп.

ИДЕЙНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“ имел решающее, глубоко принципиальное значение для дальнейшего развития всей нашей литературы, главной обязанностью которой является коммунистическое воспитание советского народа. Редакции этих журналов допустили ряд грубейших политических ошибок, забыв о основных идеальных требований нашей партии к художественной литературе.

Объясняется, в чем смысл ошибок редакций «Звезды» и «Ленинграда». Центральный Комитет партии отмечает, что руководование работников журналов (какойто то положение ленинизма, что наши журналы, являются ли они научными или художественными, не могут быть анонимными. Они забыли, что наши журналы являются могучим средством Советского государства в деле воспитания советских людей и в особенностях молодежи и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, — это политический дух).

В этих словах сформулировано требование коренного, решительного углубления и усиления всей идеально-политической работы редакций журналов и литературных организаций.

В самом деле, тем другим, как не полным забыванием идеально-воспитательных задач литературы, можно обяснить странную неразборчивость редакций, печатающих, наряду с целями и значительными произведениями, чужие духи советского народа, попытки которых, наряду с членством и клеветническими сочинениями Зощенко, вроде опубликованного журнала «Звезда», рассказа Шутовского, издаваемого, полного стремления оправчить все и вся. Редакции журналов не было известно, что представляет собой «творчество». Зощенко, в течение многих лет специализировавшегося в писании пошлых, пасквильных, мещанских рассказов, а во время войны выступившего с гризной повестью «Перел волхомом солнца», которая, как и все «творчество» Зощенко, получила резко отрицательную оценку на страницах нашей прессы.

Серьезную ошибку допустили журналы, популяризируя на своих страницах пустую, аллюгическую, чужую нашему народу позицию Ахматовой, пропагандирующую «искусство для искусства», безидеиной и мистицизм.

Редакции журналов беззаботно переписывали место проникнутых тоской и пессимизмом стихов Садофьева и Комиссарова, антихудожественным рассказом и пьесам Янделья, Штейна, серым и бессодержательным рассказом Слонимского, Реста и Варшавского. В журналах «Звезда» и «Ленинград» печатались чужие духи советской культуры (прокладки А. Островского и Г. Горя, статьи Хмельницкой и др.), проникнутые низкотемпературной культурой Запада. Помимо подобных сочинений, редакции, повидимому, забыли о своей ответственности перед народом и перед читателем.

Редакции журналов, беззаботно переписывали место проникнутых тоской и пессимизмом стихов Садофьева и Комиссарова, антихудожественным рассказом и пьесам Янделья, Штейна, серым и бессодержательным рассказом Слонимского, Реста и Варшавского. В журналах «Звезда» и «Ленинград» печатались чужие духи советской культуры (прокладки А. Островского и Г. Горя, статьи Хмельницкой и др.), проникнутые низкотемпературной культурой Запада. Помимо подобных сочинений, редакции, повидимому, забыли о своей ответственности перед народом и перед читателем.

Отмеченная ЦК ВКП(б) ложная позиция Союза писателей вызвала естественный отклик на собраниях партийного актива Ленинграда, обратившегося в своей резолюции к Центральному Комитету партии с просьбой «увернуть руководство Союза советских писателей, поставленное в главе правления Союза более выдержанного руководителя, способного направить работу Союза».

В Союзе писателей, в редакциях журналов должны работать люди, чувствующие всю полноту ответственности перед государством, перед народом, имеющими моральное право критиковать произведения в журналах, насыщенных чужими нововведениями, не приспособливая журналистику к вкусам и интересам отдельных групп, но не устанные заботиться об идеально-художественном росте литературы.

Повысить требования к публикуемым произведениям — обязанность редакций журналов. Редакция не может быть почтой ящицем, в который складывается все без разбора — и хорошее и плохое. Редакция должна отбирать только хорошее, чистое и идеально-художественное отношение, расширяющее представление читателей о жизни, о борьбе народа, его будущем, и беспощадно отмечать все дурное, порочное, чужое народа, сделанное недобропорядком, без должной затраты труда, легкомысленное, бесподобное отношение к своему труду недостойного советского писателя. Но потрудившись таким образом, можно достичь нужного образа на своем произведении, чтобы стать могучим средством в деле воспитания советских людей и в особенностях молодежи на глуко идейных, современных произведениях, правильно отражающих совет-

скую действительность, широко представляя свои страницы таким поэзиям и подионам литературы, как Зощенко, проповедовавшим гнилую безыдейность, пошлость и аполитичность, клеветнически изображавшим советских людей и издававшимся над советским читателем. Журналы всячески популяризовали произведения типичной представительницы чуждой нашему народу пустой поэзии Ахматовой. В журналах печатались также формалистические вычурные и фальшивые произведения Янделья, упаднические, проникнутые тоской стихи Садофьева, Комиссарова и другие слабые в идеино-художественном отношении произведения.

Собрание партийного актива считает, что городской комитет ВКП(б), занявшись решением практических хозяйственных вопросов, вместе с тем упустил из своего поля зрения вопросы идеологической работы, устранился от руководства журналами, проглядел крупнейшие ошибки в работе редакций, предоставив тем самым возможность чуждым советской литературе людям, вроде Зощенко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах. Забыв, что журнал ЦК ВКП(б) «Большевик» решительно осудил безыдейные, пошлые писания Зощенко, боясь городского комитета ВКП(б) и его секретаря тт. Капустина и Широкова допустить грубую политическую ошибку, ввели Зощенко в состав редколлегии журнала «Звезда».

Городской комитет партии в первую очередь его отдел пропаганды и агитации предали забыванию указания Ленина и Сталина о том, что литература является важнейшим партийным и государственным делом, что ее задача состоит в том, чтобы укреплять советский строй, помочь партии и государству в деле коммунистического воспитания трудящихся, воспитывать в молодом поколении лучшие качества советских людей — борьба, вера в свое дело, любовь и преданность социалистической Родине, способность и умение преодолевать любые препятствия.

Отсутствие повседневного руководства со стороны городского комитета ВКП(б) привело к тому, что ленинградские журналы, вместо того, чтобы стать могучим средством в деле воспитания советских людей и в особенностях молодежи на глуко идейных, современных произведениях, правильно отражающих совет-

скую действительность, широко представляя свои страницы таким поэзиям и подионам литературы, как Садофьев, Комиссаров, Янделья, Погреб и Илья Мармен».

На страницах журналов стали появляться чужие писатели, не имеющие права писать в ходе событий. Они должны помочь решению главной задачи — идеально воспитывать поколения советских писателей, заданных темой воспитания народом, а не народом, а партии. Дело народу.

«Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, в которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства, интересов коммунистического воспитания нашей молодежи. Боязнь испортить приательские отношения не исключает настороженную смелую критику. Между тем боязнь литературы не может развивать и совершенствовать. Плох тот писатель, который боится спрavedливого и беспристрастного обсуждения его произведений. Критику надо встречать мужественно, нельзя умалить ее значение только потому, что в среде лите-

ратурных редакций ленинградских журналов, должны стать в центре внимания каждого, кто искренне, кровно заинтересован в дальнейшем развитии советской литературы, самой передовой, самой идеальной литературы в мире.

Большевики города Ленина, города-героя, великого своим революционными традициями, в резолюции, принятой по докладу тов. А. А. Жданова на собрании актива городской партийной организации, отметили, что общий уровень творчества ленинградских писателей отстает от восходящих задач советской литературы. Основные, подсказанные самой жизнью темы борьбы и труда советских людей еще не нашли своего воплощения в творчестве ленинградских писателей.

Напрасно стал бы искать читатель «Звезды» и «Ленинграда» на страницах этих журналов произведения о трудах героя-героям народа, закаленного в боях Отечественной войны и сейчас отдающего свой вдохновенный труд для восстановления родного города, дальнейшего украшения и процветания советской страны.

По постановлению ЦК ВКП(б) указано, что некоторые литераторы и редакции журналов походят к своему народу не с политическими позициями, а с обычайскими, не хотят портить приятельские отношения с писателями. Такой подход находит приемлемый интерес государства, интересы коммунистического воспитания нашей молодежи. Боязнь испортить приятельские отношения не исключает настороженную смелую критику.

Советская литература не может, чтобы не иметь ничего общего с советской литературой и вредят делу нашей партии, нашего народа.

Собрание писателей признает, что эти критетнические писания Зощенко не имеют ничего общего с советской литературой и вредят делу нашей партии, нашего народа.

Собрание считает, что грубой ошибкой журналов «Звезда» и «Ленинград» явилась попытка проповеди такой чуждой нашему времени традиционной аристократической-салонной поэзии, как Ахматовой. Нечаставшие в обоих журналах стихи Ахматовой являются проповедью пессимизма и упадничества, безыдейных и мистических направлений вперед в деле воспитания советской молодежи. Редакции журналов оказались в пленах этого «авторитета» Ахматовой, угодливо предоставив ей возможность протаскивать насквозь чуждые советской литературе декадентские теории — «искусства для искусства» и

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Сего дна в номере:

1 стр. Передовая. Идеальные задачи советской литературы.

Резолюция собрания актива Ленинградской партийной организации по докладу тов. Жданова о постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград».

Резолюция общегородского собрания ленинградских писателей по докладу тов. Жданова.

2 стр. Анна Караваева. Об ответственности писателя Евг. Рысс. Искаженный портрет. И. Кротова. Без ясного плана. Ф. Левин. О мертвый и живой воде.

3 стр. Сергей Попов. Станция Мадрас. Лось (стихи). А. Вежев. Литература народа Коми. И. Кукиньян. Герои Сасуна. В. Шкловский. Законы путешествия. М. Поляков. Ценный труд. Елена Златова. Труднее и легче.

4 стр. А. Гурович. Роман о бесстрашном гайдуке. Б. Карповиди. Голос греческого поэта. В. Рубин. Чайльд-Гарольд в Греции. Информация. В Союзе советских писателей СССР. В несколько строк.

Собрание актива Ленинградской партийной организации

На днях в Ленинграде состоялось собрание актива Ленинградской партийной организации, на котором секретарь ЦК ВКП(б) тов. Жданов сделал доклад о постановлении Центрального Комитета ВКП(б) от

14 августа с. г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Собрание обсудило доклад товарища Жданова и приняло по его докладу следующее постановление:

РЕЗОЛЮЦИЯ

собрания актива Ленинградской партийной организации по докладу тов. Жданова о постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“

Заслушав и обсудив доклад секретаря ЦК ВКП(б) тов. Жданова о постановлении Центрального Комитета ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград», издающихся в г. Ленинграде, собрание актива Ленинградской партийной организации единодушно признает это постановление правильным, пешком одобряет его и принимает его в свою

руководству и неуклонному исполнению. Собрание актива считает, что вскоре постановлением ЦК ВКП(б) крупнейшие недостатки в работе городского комитета ВКП(б) по руководству журналами «Звезда» и «Ленинград» в большей мере относятся и к руководству другими учреждениями, издававшимися над советским читателем. Журналы всячески популяризовали произведения чуждых людям и издававшимися над советским читателем. Журналы, включая «Звезду» и «Ленинград», издававшиеся над советским читателем, попытались проповедовать чуждой нашему народу пустой поэзии Ахматовой. В журналах печатались также формалистические вычурные и фальшивые произведения Янделья, упаднические, проникнутые тоской стихи Садофьева, Комиссарова и другие слабые в идеино-художественном отношении произведения.

Собрание актива считает, что вс эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не организовали принципиальной большевистской работы среди писателей, работников искусств и других работников в области идеологии и культуры.

Собрание актива считает, что все эти порочные явления в идеиной жизни Ленинграда не получаются должной разкой оценки со стороны ленинградской печати. Газеты «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» не

Об ответственности писателя

Более двух лет назад в журнале «Большевик» была справедливо суроно осуждена повесть М. Зощенко «Перед восходом солнца». Эта повесть — порождение отвратительного, темного и затхлого подполья, мещански-обывательских переживаний, ничтожных горестей, пошлых, грязно-интимных воспоминаний и изнемогущего страха перед жизнью. В истории русской литературы, даже во времена расцвета всякого рода декадентов и мистики предреволюционных лет, не появлялся произведения, в котором автор с такой циничной откровенностью занималась бы собой, только собой.

Мрачная и вредная эта повесть появилась в дни, когда все ярче разгоралась заря нашей победы. Уже по всему миру прогремела слава Московской и Стalinградской битвы, уже был освобожден Киев и большая часть Украины, приближалась час освобождения Ленинграда. Советский народ с гордой уверенностью и радостной надеждой смотрел вперед, видя, как все выше восходило на нашем небе солнце победы, предвещавшее желанные дни мира. М. Зощенко пошел не навстречу солнцу, — он давно и окончательно повернулся к нему спиной; грубая физиология, пошлость бессмыслица — вот сфера его творчества.

Прошло немногим более двух лет, и мы прочли в номере 5—6 журнала «Звезда» новый рассказ Зощенко «Приключения обезьяны», представляющий собой пасквиль на советский быт и на советских людей. В рассказе обезьяна назана «высшим существом из мира зверей» — она несравненно хитрее и умнее людей. Она презирает все нормы и правила человеческого общежития, кусается, пугает людей. В рассказе высмеиваются трудности военного времени, которые переносят люди. Мартышка бегает по головам, торжествует над людьми, а некий мальчик Аleshка зовет ее «славной, обожаемой обезьянкой». Аleshка «стартирует», что обезьяна будет сеять счастье, он воспитает мартышку, «как человека» (!). Да и трудно ли «воспитать» обезьяну, «как человека», когда в рассказе советские люди изображены до крайности примитивными, некультурными, карикатурно-глупыми обывателями. Научить мартышку вытирать нос платком и кушать с ложечки — вот и все, что нужно, чтобы обезьяна потом сидела за столом — «важная такая, как кассирша в кино».

В финале рассказа Аleshка говорит: «Я воспитал ее, как человека, и теперь все дети и даже взрослые могут брать с нее пример» (?). Кстати, рассказ об очевидческой обезьяне помещен в разделе «Рассказы для детей!». Беспредметное явление, никто и нигде еще не призывает детей подражать обезьяне!

Рассказ датирован 1945 годом. Год окончания Великой Отечественной войны, год грандиозной, прославленной в грядущих веках победы нашей Родины, высочайшего героя нашего народа! А у Зощенко в год победы появилась... приключенческая обезьяна!

Но только ли сейчас, говоря фразой, возникла эта зощенковская обезьяна? Если мы внимательно посмотрим в прошлое, то увидим, что люди в разное время и по-разному показывались Зощенко.

Рассказы Зощенко воспринимались, как развлекательное, «веселое» чтение. К герою этих рассказов, мелкому обывателю и мещанину, критика наша отнеслась благосклонно и даже с любопытством. Мещанин и обыватель, потеряв возможность заниматься мелкими прибыльными делишками, приспособились к советскому аппарату и приспособились к советскому аппарату. Мещанин этот — мелкий человечек с ничтожными интересами и убогими стремлениями. Большая жизнь, которая развертывалась и ширилась всюду, была недоступна его жаждуко пониманию. Как мыши, живущие под полом грандиозного здания, этот мелкий человечек поднимался на поверхность для того, чтобы нахватывать крошки. Но так как здание — огромное и светлое, а работа в нем кинела могучая, зощенковский мещанин метался во все стороны, наскакивая на недоразумения и только мог — пакости.

Неудачи, анекдотические ситуации, трагикомедии происходили с человеком по самым разнообразным поводам. Он вытаптывался, как умел, его дядьки были плоски, хитрость губра, повадки — вулгарны. Зощенко привнес в литературу ломаную речь, он стремился пародировать все новое, что несла социальная революция. Разговорная речь мелкого человека, пестрала поверхностью увесомыми кацапским и газетными выражениями, иногда и политическими лозунгами, которые, в соподчинении с обывательскими словечками и изысканными проблемами смыслом, звучали двусмысленно. Мы не сумели разобраться в подлинном смысле зощенковских писаний, мы наивно

ИСКАЖЕННЫЙ ПОРТРЕТ

Евг. РЫСС

Жил в начале нашего века хороший русский писатель Александр Степанович Грин. Писал он водяные истории, которые можно было назвать сказками. Действие этих сказок происходило в мире, на карте мира не обозначенных. Герои этих сказок носили имена, которых не знает ни один народ. Поэтому прошлая про Грине слава, что он мечтатель, оторванный от действительности, действительности не любящий, залеченный людьми забытым угродией правде во имя прекрасного вымысла.

Прошло 14 лет после его смерти. Книги Грина живут по сей день, живут жизнью действительной активной. Их издают советские издательства, их спрашивают в советских библиотеках, читают любят советские люди. Как же это так получилось, что писатель, залеченный к уходу от действительности, к бесплодной мечтательности, любим активным и веселым советским членом?

Литература о Грине небогата. Всего несколько статей и предисловий к изданиям его произведений. «Но во времена выдумки — сердце Гринандии. Нет, именно в стремлении заставить мир строить залогом для поэтической отрешенности от действительности, где последняя описывается как бы существует в качестве оттолкновения, как напоминание о лучшем и несбыточном», — писал в 1934 г. Корней Чуковский.

«Глубокий и неменяющийся мечтателем, подобным Грину, чужда реальная деятельность», — писал в 1939 г. К. Паустовский.

В 1945 г. вышла в Ленинграде повесть Леонида Борисова «Большебник из Гельгольца», поддерживающая и развивающая эту легенду о Грине. «Большебник из Гельгольца» — это биографическая повесть о герое, который беседовал с «психическими», принес им за нормальных людей, а потом, с перепугом, чуть не заступила нормального человека, приняв его за «психического». В вагоне выворачивают руки размечтавшемуся человеку за то, что он калит на своем велосипеде не по той дорожке («Страдания Вертера»). Мелкий человечек не понимает, «что к чему», для него бытие человеческое — бескомиссионное путешествие в вагоне («Приятная встреча»), где вместе едут нормальные и «психические» со своим старожром. Зощенковский герой беседовал с «психическими», принес им за нормальных людей, а потом, с перепугом, чуть не заступила нормального человека, приняв его за «психического». В вагоне происходит глупая пустота.

Жадные людишки беспредельно слепы в ской тупоти — иных красок не знает Зощенко, калечеца на советских людей. Он осмыкает все, даже самый факт смерти издавательски обыгран Зощенко, чтобы линий раз подчеркнуть роковое, нелепое устройство жизни:

«Не так давно скончался один милый человек... Его все очень рисовали замечательные кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он держал свой стакан: он пытался с него сдавать и каждый винтик гигроскопической винты обтирал. И, добавок, он всегда держался на принципиальной высоте... Конечно, ему чудные похороны закатили. Музыка играла траурные вальсы («Любимые»). Сослуживцы, заметили после кончины. Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевалася. И в каком порядке он

